

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА РОССИЯ – ГРУЗИЯ 2008 год

Работу выполнила: РАЧЕВА АНАСТАСИЯ.

*Вооружённый
конфликт в
Южной Осетии
(2008) — военное
противостояние в
августе 2008 года,
между Грузией с
одной стороны, и
непризнанной
республикой
Южная Осетия и
Абхазия а также
Россией , с другой
стороны.*

Разные интерпретации повода войны

Версия Южной Осетии:

Война вызвана агрессией Грузии против Южной Осетии, произошедшей в канун Олимпийских игр.

8 АВГУСТА президент Южной Осетии Эдуарт Кокойты сообщил о многочисленных жертвах среди мирных жителей Южной Осетии и обвинил президента Грузии Михаила Саакашвили в геноциде осетинского народа

Президент Южной Осетии Эдуард Кокойты заявил:

Кодовое название блицкрига — «**Чистое поле**» — раскрывает суть планов Грузии — провести этническую чистку, превратить в «чистое поле» всю Южную Осетию. Первые же сутки полномасштабной военной агрессии, предпринятой Грузией против Южной Осетии принесли нашему народу огромные жертвы. Только операция по принуждению к миру положила конец бессмысленной и жестокой войне, принёсшей столько страданий нашему народу.

Решение Президента России о проведении операции по принуждению агрессора к миру было своевременным, мужественным и единственно верным...

Южная Осетия никогда не забудет и не простит преступлений грузинского фашизма. Грузинские власти своей бессмысленной жестокостью вырыли бездонную кровавую пропасть между Грузией и Южной Осетией

Разные интерпретации повода войны

Версия Грузии

- В первые часы войны правительство Грузии мотивировало свои действия тем, что «сепаратисты осуществили нападение на прилегающие к Цхинвали сёла», сделав это в ответ на одностороннее прекращение огня Грузией. Заявлялось о массированных бомбовых обстрелах мирного населения и миротворцев, которые произошли в последние часы 7 августа 2008 года, при этом также указывалось, что «через Рокский тоннель российско-грузинскую границу пересекли сотни вооружённых лиц и военная техника»

Версия России

- Миротворческая деятельность, по спасению Южной Осетии от агрессора Грузии.

Итоги пятидневного сражения:

16 августа

Митинг в Цхинвале 21 августа, посвящённый окончанию войны.

16 августа президент России Д. А. Медведев поставил подпись под планом мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта. До этого документ подписали руководители непризнанных государств Южная Осетия и Абхазия, а также президент Грузии М. Саакашвили.

Подписание этого документа сторонами конфликта окончательно обозначило завершение военных действий.

Информационная война против России

Война в традиционных СМИ развернулась задолго до начала обстрелов Цхинвала. Западные телеканалы достаточно длительное время акцентировали внимание на демократичности Саакашвили, превознося его ориентированность на Запад, и в негативном ключе освещали деятельность «сепаратистов» из Южной Осетии и Абхазии.

Фактически шла подготовка общественного мнения, и пристрелка по информационному полю. *Со стороны России же такой подготовки не было, и начавшаяся уже днем 8 августа информационная атака фактически стала для российских СМИ неожиданностью.*

Выступления наших дипломатов и военных на Западе не продвигались совершенно.

Даже после завершения боевых действий в глазах западного обывателя миротворцем стал отнюдь не Медведев, а Саркози

Россия проиграла информационную войну

Анализ статей:

Анализ публикаций общенациональной американской газеты «The New York Times» в период военных действий в зоне грузино-осетинского конфликта с 08 августа по 13 августа, показывает, что негативный образ России и ее лидеров в газете «The New York Times» формировался как агрессора, подстрекателя военных действий за счет применения в ее адрес и правительства ярких экспрессивно-окрашенных высказываний

The New York Times

WEDNESDAY, OCTOBER 6, 1999

DANCE REVIEW

Inspired by the Traditions of Africa But Ruled by a Contemporary Spirit

By ANNA KISSELGOFF

MONTRÉAL, Oct. 3 — How can one remain inspired by tradition but break free of its clichés as a creative artist? That is the question that several modern-dance choreographers from Africa have answered impressively and sometimes brilliantly at the International New Dance Festival here.

The response has different images: a powerful all-female dance of pain that uses avant-garde techniques of "contact improvisation," an exuberant stylization of urban dances in a protest piece about street children, a dramatic duet about failed relationships and a hypnotic woman's solo.

The emergence of experimental African choreographers is not exclusively a 1990s phenomenon, but the deliberate focus on African troupes within the Montreal festival suggests that a new development needs more attention.

By the same token, the festival's presentation of well-known European choreographers (Susanne Linke, Mathilde Monnier and Clara Andermatt) who use African dances-in-pieces stemming from their visits to Africa, reveals how much two-way traffic is in progress.

It was, in fact, a pleasant shock to see dancers of the Sylvain Zabi Company from the Ivory Coast so soon after performances by the American choreographer Ronald K. Brown at the Joyce Theater in New York last week. The recent change in Mr. Brown's choreography, which now incorporates fluent stylization of African dance idioms, obviously owes something to the residency that Mr. Brown had in Abidjan, Ivory Coast, a few years ago. Mr. Zabi worked with

Mr. Brown there and in New York, and he notes that the influences were mutual. Mr. Brown gave classes, Mr. Zabi said, and led him to integrate recited poetry into his choreography, as Mr. Brown does.

Mr. Zabi met Mr. Brown through Rokya Koné, a choreographer from the Ivory Coast who attended the American Dance Festival in Durham, N.C. Similarly, the choreographers Seydou Boro and Salia Sanou from Burkina Faso

Avant-garde techniques, power and daring at a Montreal festival.

stunning Tchétéché female troupe from the Ivory Coast, have studied or danced with Ms. Monnier in Montpellier, France. Since Ms. Monnier's mentor was the American teacher Viola Farber, once Merce Cunningham's partner, the line of descent and its fluidness is more complex than first apparent.

If any choreographer encompasses these issues in her own dancing body it is Zab Maboungou, whose intense mesmerizing solo, "Incantation," embodied the contemporary and the traditional on a polished intimate level. Born in the Congo Republic, she has lived in Montreal since 1973 and is also a philosophy teacher.

Although the Montreal Festival is not a theme event, it does occasionally spotlight companies by country or region within a larger event. Eleven countries are represented in the festival, which ends on Saturday. This spotlight on African choreographers attuned to the so-called post-modern aesthetic is more than

welcome.

Some good work in this field has been done by the African Odyssey series at the John F. Kennedy Center for the Performing Arts in Washington and Dance Africa and 621 Arts, both associated with the Brooklyn Academy of Music. But this mini survey suggests that New York, at least, could be enriched by a more concentrated showcase of contemporary African dance.

Although most of the dancers have been trained in the distinct and different styles of traditional dance idioms, it is clear that the American dances taught to young Africans are not for them. Secure in their heritage, these choreographers use it as a springboard to try something new.

As Ms. Kombé is quoted at the festival, the concern is "African dance with contemporary expression."

Her company, Tchétéché (meaning eagle), featured herself and three other women, Nina K. Zorothonon, Nadia Gbashihoon, Beugre and Flavienne Biaké Lago, in "Dirini" (pain). Like Ms. Maboungou, with whom she once studied, Ms. Kombé gives emotion a powerful abstracted treatment: the qualities associated with African dances such as rhythm and energy, are channeled here into a geometrically clear style.

Ms. Kombé's opening solo, in silence, distills the astounding physical daring that the other dancers will pick up as they enter. She jumps straight up and lands in a split, cartwheels, erupts into barrel jumps or drops flat on her back. The textured sound of flute and drum is integrated into the swift tumbling and leaps of all four women who appear in different units.

Power and tenderness fuse in a duet, and the group work mixes Western modern-dance look

Tchéché: Dimi

tame. Subtitled "A hymn to female solidarity," the piece evokes the universal through the particular.

Ms. Maboungou's solo, enhanced by the drummers Paul Miller and Dominic Donkor in her company Nyata Nyata, starts with feet stamping close to the ground, body bent over, and erupts in a highly contained form of energy: a diamond that is anything but in the rough.

If all movement has an emotional connotation in African dances, there is no literal storytelling in "Figurino" (blind man), danced by the choreographers Seydou Boro, Salia Sanou and another dancer, Souleymane Badolo.

Yet African storytelling is the obvious tradition behind the images of blind men pulling invisible tears out of their eyes in a setting (along with two musicians) that evokes an inhospitable climate. Scheduling conflicts allowed me to see only a rehearsal of "Heritage" with Mr. Zabi's company, which features a solo woman, Edith Klorouon, who holds her own outstandingly among Mr. Zabi and the other men. Ivory Coast hip-hop like mapouka and loubar dances are absorbed into a stylized whole that the dancers render with precision and stamina, both amazing.

ПРИМЕРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ:

- «Россия положила начало военной действительности»;
- «Россия провела авианалеты по грузинским целям»,
- «авианалеты одобрены Кремлем»,
- «Россия ведет кибервойну»,
- «Россия объявила «война началась»,
- «военное вторжение России»,
- «конфликт в Грузии - передел власти в России»,
- «российские военные самолеты напали на грузинские силы и гражданских жителей в Цхинвали»;
- «Россия начала военное действие в полном масштабе, на воздухе, земле и море»;
- «Кремль измывался и шантажировал своих соседей» и т. д.

Анализ публикаций

общенациональной газеты Великобритании «Times» в период военных действий в зоне грузино-осетинского конфликта с 08 августа по 13 августа, показывает, что негативный образ России и ее лидеров в газете «Times» формировался как агрессора, за счет применения в ее адрес и ее правительства, ярких экспрессивно-окрашенных высказываний

ПРИМЕРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ:

- «Кремль насеждает на своего крошечного соседа»;
- «Россия преследовала стратегию, нацеленную на «уничтожение демократии в Грузии»»,
- «Россия ждала повода, чтобы вторгнуться в Грузию»,
- «Россию «опасный и массивный хулиган»,
- «российские военные угрожают Грузии гуманитарной катастрофой»,
- «военное вторжение России»,
- «российская агрессия»,
- «непрерывная российская бомбардировка»;
- «(Россия) отказывается прекратить бои» и т. д.

Помимо анализа ведущих Западный СМИ стоит отметить, что в информационной войне против России были использованы различные психологические приемы воздействия на аудиторию.

Одним из таких приемов стали **карикатура**, где Россия как большой агрессор, нападающий на маленькую беззащитную Грузию.

Примеры карикатур:

Наиболее частотными в анализируемом дискурсе стали прецедентные имена политических лидеров, призванные обозначить основные действующие лица: *Буш - Путин - Саакашвили*. Нередко для обозначения конфликтующих сторон используются и традиционные политические национальные символы, такие как *Дядюшка Сэм* и *русская матрешка*

В редких случаях на политической арене карикатуры появляется и четвертое действующее лицо - Евросоюз, выступающий либо в роли судьи, либо в роли перепуганной девочки, напуганной страны, которую Россия держит на коротком "топливном" поводке.

Вторую по частотности использования в анализируемом дискурсе составляет милитарная группа прецедентных образов.

Как отмечают исследователи, действия России сравниваются с вводом советских войск в Афганистан, Венгрию и Чехословакию и даже с действиями немецких войск во время Второй мировой войны: неслучайно Владимир Владимирович Путин в образе командира танка чаще всего предстает в немецкой форме. Обращение к исторической памяти европейцев - один из самых действенных элементов воздействия, тем более что проблемтика Второй мировой войны до сих пор одна из самых острых и болезненных для современной Европы.

Но самой "страшной" для европейцев, а значит самой действенной, стала метафора, основанная на прецедентном имени Сталина.

Тоталитаризм - это не только средство оценки действий российского правительства как захватнических, но и средство запугивания европейцев.

К сожалению, мы должны отметить, что частотное обращение к советскому прошлому в последнее время стало характерно для европейской политической коммуникации, в том числе неформальной. Образ русской матрешки получил новое содержание: *Медведев - Путин - Сталин.*

Таким образом, влиятельные Западные сформировали у всего мира имидж России как агрессора.

Несмотря на то, что официально заявленной целью России при вступлении в Южноосетинский конфликт была Миротворческая деятельность, по спасению Южной Осетии от агрессора Грузии, во всем мире сформировался совершенно противоположный образ участников конфликта.

К сожалению Россия была не готова к информационной войне с Грузией. Бросив все силы на урегулирование конфликта в южной Осетии, Россия не смогла должным образом отреагировать на обрушившийся информационный поток.

Выиграв вооруженную войну, Россия проиграла информационную войну

СПАСИБО ЗА ВНИМАНИЕ!!!!

